

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 340.13

**Вторая мировая война как социальная травма:
сравнительный анализ российского и французского
законодательства***А. Ю. Дорский¹, Н. Н. Черногор²¹ Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 117217, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Для цитирования: Дорский, Андрей Ю., Черногор, Николай Н. 2019. «Вторая мировая война как социальная травма: сравнительный анализ российского и французского законодательства». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 311–331.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.208>

В статье исследуется мемориальное законодательство о Второй мировой войне, действующее во Франции и России. На основании теории социальной травмы предполагается, что мемориальный закон выполняет функцию преодоления травмы. Его конкретные задачи — вербализация травмы и выражение точки зрения, определяющей самоидентификацию общества. Эти задачи не зависят от типа закона, который может быть мягким или жестким, позитивным или негативным. Авторы описывают социальные причины принятия мемориального законодательства: углубление общественного интереса к истории, распространение дискуссий по болезненным для национального самосознания темам. Показано, что история мемориального законодательства о Второй мировой войне в обеих странах начинается задолго до принятия закона Гейссо во Франции и введения ст. 354.1 в Уголовный кодекс РФ. В частности, рассмотрены российские законы 1995 г. «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и «О днях воинской славы (победных днях) России», а также их эволюция до сегодняшнего дня. С помощью сравнительного анализа выделены общие черты законодательства о памяти двух стран; указано, что к французским и российским актам предъявлялись сходные претензии. Проведено отдельное сравне-

* Часть исследования А. Ю. Дорского выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

ние упоминаний движения Сопrotивления и Советского Союза в мемориальном законодательстве. На основании судебной практики дано толкование некоторых спорных понятий. Прослежена практика конституционного контроля в отношении мемориального законодательства о Второй мировой войне. Обозначены важнейшие направления совершенствования законодательства и социальных практик.

Ключевые слова: мемориальные законы, Вторая мировая война, закон Гейсso, дни воинской славы, памятные даты, увековечение Победы, реабилитация нацизма.

1. Введение. Вторая мировая война — одно из центральных событий XX в., имеющее длящиеся последствия во всех сферах общественной жизни, в том числе в правовой. С отдалением от нас этого события количество нормативных актов, в которых оно упоминается, не уменьшается. Напротив, в конце прошлого — начале нынешнего столетия в Европе данные акты стали отражать фундаментальные принципы существования государства и общества. Ряд специалистов видят в этом естественный прогресс законодательства (Imbleau 2011). С нашей точки зрения, такую ситуацию способна объяснить теория социальной травмы.

По П. Штомпке, социальная травма — «деструктивное воздействие на социальное тело» (Штомпка 2001, 7), при этом она сопровождается коллективным чувством вины и стыда (Штомпка 2001, 11). Польский социолог обозначает важные для нас парадоксы, которые для него самого не всегда становятся основным предметом исследования.

Прежде всего, разные типы травматических симптомов, связанных одним историческим событием, могут быть значительно разнесены во времени. Классическим примером в социологии травмы, имеющим прямое отношение к нашему исследованию, является Холокост. Как демографическая и политическая катастрофа (два из трех выделенных Штомпкой симптомов) он связан с 1930–1940-ми гг., но как культурная травма (третий симптом) он стал переживаться значительно позже, после выхода в 1963 г. шокирующей книги корреспондента журнала *The New Yorker* Ханны Арендт (Арендт 2008). Оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, лично отвечавший за организацию уничтожения еврейского народа и повешенный в Рампле в 1962 г., представлен Арендт как обычный человек, честно выполнявший свою работу и искренне служивший Германии. С такой точки зрения Холокост уже виделся не как деяние отдельных извергов, а как преступление целой нации. В дальнейшем травматическое переживание лишь усиливалось — вплоть до трилогии Яна Томаша Гросса «Соседи», «Страх», «Золотая жатва». После появления в 2000 г. первой книги «Соседи. История уничтожения еврейского местечка» (Гросс 2002) и подтверждения изложенных в ней фактов президент Республики Польша А. Квасьневский принес официальные извинения еврейскому народу. Существенно, что все три типа травматических симптомов проявляются в данном случае и у общества, осознающего себя как жертва, и у обществ, осознающих себя как преступников (хотя, разумеется, по-разному).

Второй парадокс связан с первым. Вред социальному телу в виде резкой убыли населения, повышения уровня самоубийств и т. д. может до поры не рассматриваться как травма. Более того, подобно вреду политическому телу, он нередко воспринимается в качестве позитивного события — не как деструкция, а как движение вперед. Для П. Штомпки ярким примером такого рода являются революции, преж-

де всего революционный крах коммунизма в Восточной Европе. С тем же успехом можно приводить в пример установление социалистических режимов. Для значительных групп событие, реально или иллюзорно наделившее их властью, оценивается положительно, если продолжать использовать медицинские метафоры — как успешная операция, а не как травма. В рамках теории культурной травмы Штомпка фактически уравнивает любые точки зрения. Мы, однако, вправе предположить, что латентная травма не излечивается сама собой. Не будучи воспринята и осмыслена на уровне культуры, она с большой долей вероятности будет порождать новые «осложнения», как демографические, так и политические. В необходимости осознания травмы уверен и один из коллег П. Штомпки — Дж. Александер, для которого травматический опыт есть опыт сострадания и ответственности, т. е. нравственного бытия социального субъекта (Alexander 2002; 2016).

Наконец, вытекающий из второго третий парадокс. Определение события как социальной травмы основано на способности человека прочувствовать данную травму и выразить свое чувство. Иными словами, это определение зависит не столько от того, как пострадал сам определяющий субъект, сколько от его эмоциональной и рациональной развитости. «Главное здесь, скорее всего, образование. С одной стороны, уровень образованности делает людей восприимчивей и чувствительней к травме. В то же время они могут лучше выражать травмы. Неудивительно, что некоторые скрытые травмы сначала были осознаны и описаны интеллектуалами, философами и социологами, давшими готовые определения и символические выражения для других» (Штомпка 2001, 14). Проговаривание социальной травмы приводит к завершению гештальта: демографическая и политическая травмы дополняются культурной. Коллективное болезненное переживание обостряется, но это обострение есть в то же время свидетельство понимания происходящих процессов, а значит, залог возможности преодоления травмы. Фактически Штомпка воспроизводит теорию трагического катарсиса Аристотеля, но заменяет трагедия на интеллектуала, разворачивая перед последним травматическое действие национальной истории.

Резюмируем: культурное конструирование, вербализация травмы могут значительно отстоять во времени от проявления других травматических симптомов, однако есть основания предполагать их важность для преодоления травмы в целом. Одним из способов осмысления социальной травмы является принятие нормативного акта. Вообще властное установление правил поведения всегда связано с каким-то нарушением желаемого социального порядка, «деструктивным воздействием на социальное тело». Однако в данном случае речь идет о локализованном во времени событии, которое ставит под угрозу дальнейшее существование привычных для общества смыслов. Дж. Александер, говоря о культурной травме, пишет, что она является «результатом острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности» (Александер 2012, 18).

Возможность использовать понятие «социальная травма» в юридической науке уже проблематизировалась отечественными исследователями (Дорская 2018; Игнатьева 2018а; 2018б). Рассматривалось отражение социальных травм в международном праве (Матчанова 2018а, 2018б) и праве конституционном (Бочкарев 2018а; 2018б). Также обращалось внимание на то, что в массиве нормативных

и правоприменительных актов существуют такие, которые по своему основному содержанию направлены на регулирование отношений, возникших по поводу социальной травмы (Потапов 2018). Среди множества подобных документов особого внимания заслуживают так называемые мемориальные законы.

Считается, что современное мемориальное законодательство возникло во Франции в связи попытками частичной реабилитации нацизма, поэтому интересно сравнить французский подход с российскими нормами, регулирующими отношения по поводу памяти о Второй мировой войне.

2. Основное исследование. 28 апреля 1968 г. оставил пост Президента Французской Республики, а 9 ноября 1970 г. умер Шарль Андре Жозеф Мари де Голль. Вместе с ним уходила в небытие страна, которую он символизировал, — Франция, объединившаяся в движении Сопrotивления немецким захватчикам. В 1969 г. М.Офюльс снял фильм «Печаль и жалость», показавший среднего француза времен оккупации более склонным к вынужденному сосуществованию, чем к сопротивлению (Чеканцева 2015). Впрочем, увидеть этот фильм большинство не могло: президент Помпиду запретил его показ по телевидению (оба существовавших тогда телеканала были государственными). В 1973 г. под названием «Франция Виши» (Рахтон 1973) был издан перевод книги американского историка Роберта Пакстона «Франция Виши: старая гвардия и новый порядок» (Рахтон 1972)¹. Французы открывали свою альтернативную историю — историю коллаборационизма и преступлений. Массовый интерес к ней оказался настолько велик, что перевод книги Пакстона была переиздан уже в следующем году и продавался по цене вдвое меньшей, чем в 1973 г. На этом фоне попытка В.-Ж. д'Эстена успокоить нацию в забвении травмы — в своем новогоднем телеобращении в 1977 г. он назвал память о войне «ревматическими болями истории» (Шеррер 2009) — потерпела крах. В 1978 г. был основан Институт истории настоящего времени, в 1979 г. принят закон, открывавший доступ к архивам через 30 лет. В то же время была предпринята еще одна попытка преодоления травмы, которая получила широкую известность: профессор Робер Фориссон выступил с утверждением, что геноцид евреев при нацизме — не более чем сионистский миф. Фориссон был отнюдь не первым отрицателем Холокоста (негационистом) во Франции, и его интерес к негационизму возник намного раньше, но латентная прежде социальная травма смогла вылиться в общественную дискуссию только к концу 1970-х гг. Именно полемика вокруг работ Фориссона и стала причиной принятия нормативного акта, который традиционно считается первым мемориальным законом, — Закона от 13.07.1990 № 90-615 «О пресечении любых расистских, антисемитских или ксенофобных действий»². Неофициальное название «закон Гейссо» этот нормативный акт получил по имени своего инициатора — коммуниста Жана-Клода Гейссо (*Gaysot*).

Для корректной оценки закона Гейссо нужно учитывать, что основная его часть направлена на совершенствование действующих норм и ни по форме, ни по

¹ В отечественной литературе распространилось мнение, что между первым выходом книги в США и французским изданием прошло девять лет, однако это не подтверждается данными Библиотеки Конгресса и Национальной библиотеки Франции.

² Loi N° 90-615 du 13 juillet 1990 tendant à réprimer tout acte raciste, antisémite ou xenophobe. Здесь и далее все ссылки на французские законодательные и правоприменительные акты даются по: Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. Accessed February 3, 2019. <https://www.legifrance.gouv.fr>.

существо не является «мемориальной». «Равенство перед законом всех граждан без различия их происхождения, расы или религии» гарантировано Конституцией Пятой Республики³ (ст. 1), а «диффамация в отношении физического лица или группы физических лиц по признаку их происхождения, принадлежности или непринадлежности к какому-либо этносу, нации, расы или религии» (ст. 32 Закона «О свободе печати»⁴) была криминализована во Франции законом Плевена (*Pleven*) 1 июля 1972 г. Историческая память как объект преступления впервые возникает в Законе от 13.07.1990 лишь в ст. 8, вводящей новую редакцию ст. 24 Закона «О свободе печати». Однако и здесь новации относительные: пропаганда военных преступлений (*crimes de guerre*) или преступлений сотрудничества с врагом (*crimes ou délits de collaboration avec l'ennemi*) была объявлена уголовно наказуемым деянием уже в 1951 г. В 1990 г. список был расширен за счет преступлений против человечности (*humanité*). Славу «первого мемориального» закон Гейссо получил благодаря ст. 9 и 13, дополнившим Закон «О свободе печати» статьями 24 bis и 48-2. Отныне запрещалось публичное оспаривание преступлений против человечности, определенных ст. 6 Устава Международного военного трибунала, приложенного к Лондонскому соглашению от 08.08.1945 (Нюрнбергского трибунала), которые были совершены членами организации, объявленной преступной в соответствии со ст. 9 Устава, либо человеком, признанным виновным в этих преступлениях французским или международным судом (ст. 9). Любая общественная организация, объявившая своей уставной целью защиту чести Сопротивления и депортированных лиц, могла инициировать судебное разбирательство в защиту жертв указанных преступлений, пострадавших от оспаривания (ст. 48-2). Сегодня содержание этих статей существенно расширилось. Так, введено наказание за «отрицание, умаление или оскорбительную банализацию» преступлений геноцида, порабощения и других преступлений, перечисленных в Статуте Международного уголовного суда. Таким образом, консолидация памяти закона Гейссо основывается на фактах, установленных в судебном порядке (подмена этих фактов политическими предпочтениями станет слабой стороной некоторых позднейших мемориальных законов).

Практически сразу же последовала попытка оспорить применимость закона Гейссо. Аргумент заявителей мог быть интерпретирован как вопрос о соотношении национального и международного права: чтобы признаваться источником права на территории Франции, решения Нюрнбергского трибунала должны быть опубликованы в *Journal officiel de la République française* (JORE, JO). Однако Кассационный суд (высшая судебная инстанция Франции) изящно ушел от выяснения отношений между двумя системами права, указав, что решения Международного военного трибунала не являются законом и не подлежат обязательному опубликованию в JO⁵, но при этом определены, окончательны, не подлежат пересмотру, официально опубликованы на французском языке и доступны в архивах Международного суда в Гааге⁶.

³ Constitution du 4 octobre 1958.

⁴ Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse.

⁵ Cour de cassation. Chambre criminelle. Audience publique du mardi 15 juin 1993 N° de pourvoi: 92-82474.

⁶ Cour de cassation. Chambre criminelle. Audience publique du lundi 9 octobre 1995 N° de pourvoi: 92-83890.

Другим доводом против закона Гейссо ожидаемо стала апелляция к ч. 1 ст. 10 Европейской конвенции о правах человека, на что французское правосудие не менее ожидаемо указало на ч. 2 той же статьи: «Осуществление этих свобод (свободы мнения. — А. Д., Н. Ч.), налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия»⁷.

После неудачных попыток признать неправомерность применения закона Гейссо в конкретных делах и в связи с установлением нового порядка конституционного контроля⁸ противники Закона 1990 г. избрали иную тактику. Неоднократно Кассационный суд рассматривал требования о признании ст. 24 bis Закона «О свободе печати» противоречащей Конституции. Заявители ссылались на ст. 34 Конституции, согласно которой «Закон устанавливает правила, касающиеся... определения преступлений»⁹, ст. 16 Декларации прав человека и гражданина, утверждающей разделение властей¹⁰, ст. 10 и 11 Декларации, провозглашающих свободу мнений¹¹. Ссылки на нормы международного права исчезли. Трижды Суд отказывал в передаче дела в Конституционный совет с идентичными формулировками: правовая квалификация указанных преступлений достаточно определена, введенные ограничения необходимы, адекватны и пропорциональны законным целям, и, таким образом, «поставленные вопросы не носят серьезного характера». В конце концов дело все же было рассмотрено Конституционным советом Франции, причем к традиционным аргументам заявителей добавился еще один неожиданный: круг преступлений, отрицание которых преследуется, ограничен, что само по себе нарушает равенство перед законом. Конституционный совет согласился, что законодатель трактует преступления против человечности, совершенные членами организации, признанной преступной в соответствии со ст. 9 статута Нюрнбергского международного военного трибунала, или лицами, признанными виновными в совершении таких преступлений французским или международным судом, иначе, чем преступления против человечности, осужденные иными судами, и иначе, чем прочие пре-

⁷ Cour de cassation. Chambre criminelle. Audience publique du mardi 15 juin 1993 N° de pourvoi: 92-82474.

⁸ Конституционный совет обладает правом превентивного конституционного контроля, однако после изменения Конституции 2008 г. и принятия Органического закона 2009 г. (Loi organique n° 2009-1523 du 10 décembre 2009 relative à l'application de l'article 61-1 de la Constitution) в Совет можно обратиться и по поводу уже действующего закона. В этом случае решение о передаче дела в Конституционный совет принимается Кассационным судом или Государственным советом.

⁹ Cour de cassation. Chambre criminelle. Audience publique du vendredi 7 mai 2010 N° de pourvoi: 09-80774; Cour de cassation. Chambre criminelle. Audience publique du mercredi 5 décembre 2012 N° de pourvoi: 12-86382; Cour de cassation. Chambre criminelle. Audience publique du mardi 6 mai 2014 N° de pourvoi: 14-90010.

¹⁰ Cour de cassation. Chambre criminelle. Audience publique du mercredi 5 décembre 2012 N° de pourvoi: 12-86382.

¹¹ Cour de cassation. Chambre criminelle. Audience publique du mardi 6 mai 2014 N° de pourvoi: 14-90010.

ступления. Однако Совет признал, что это право законодателя и оно обосновано различной природой указанных действий¹².

Отметим особенности закона Гейссо, на которые обычно обращают меньшее внимание.

Во-первых, он ни в каком смысле не был первым законом, определяющим государственную политику в отношении истории. Как мы только что указали, в значительной степени он развил нормы, существовавшие во французском законодательстве, и с принятием Закона Гейссо эволюция не остановилась. Если в 1951 г. правонарушением считалась пропаганда преступлений, в 1990 г. — пропаганда и отрицание преступлений, то с января 2017 г. — пропаганда, отрицание, преуменьшение и банализация преступлений. Известность «первого мемориального» Закон от 13.07.1990 заслужил скорее в силу стечения обстоятельств, чем благодаря революционному содержанию.

Во-вторых, закон Гейссо оказался слабо востребован практикой. И до его принятия негационистов судили: по Гражданскому кодексу — за нанесение вреда жертвам Холокоста (истцом могли выступать не пострадавшие физические лица, а общественные организации), по Уголовному — за диффамацию в отношении лица или группы лиц в связи с их происхождением. За восемь лет после принятия закона Гейссо (1992–2000), по официальным данным Министерства юстиции, было вынесено всего 29 приговоров (Dhoquois 2006, 30). Более того, практика применения не останавливала осужденных от продолжения своей деятельности. Яркий пример: издание и переиздание во Франции книг Р. Фориссона. В чем же тогда состоял и состоит до сих пор смысл закона Гейссо? Невозможно отрицать, что новые нормы и новые формулировки восполняли некоторые существующие пробелы и в целом закон был шагом вперед в развитии французского права, но основное его значение, вероятно, в другом. Мы целиком разделяем мнение Р. Докуа: «Из сорока четырех стран — членов Совета Европы только семь проголосовали за тексты, осуждающие негационистский дискурс. Список этих стран информативен. Франция открывает такое законотворчество в 1990 г., за ней следуют Германия, Австрия, Бельгия, Испания, Люксембург и Швейцария. Некоторые из этих стран прямо ответственны за геноцид евреев, другие были немymi свидетелями... В этих законодательных решениях можно увидеть выражение определенной работы памяти и коллективной вины» (Dhoquois 2006, 32). Согласен с французской исследовательницей и российский историк Н. Е. Копосов: «Запрещая отрицать факт геноцида, государство запрещает отрицать совершенное им самим преступление» (Копосов 2014).

Во-третьих, закон Гейссо не только ограничивал некоторые права, но и предоставлял таковые. Речь идет о правах организаций, объявивших своей целью защиту чести Сопrotивления. Таким образом, данный закон носит отнюдь не только негативный характер, он имеет в виду некоторый моральный образец, который государство считает важным защищать от посягательств. И раньше вопросы, связанные с движением Сопrotивления, были на особом положении. Еще во время войны статус и наименования тех, кто боролся с оккупантами, были предметом специального регулирования¹³, причем проблема не потеряла актуальности, даже

¹² Conseil constitutionnel. Vendredi 8 janvier 2016 — Décision N° 2015-512 QPC.

¹³ Ordonnance du 9 juin 1944 fixant le statut des Forces françaises de l'intérieur и др.

утратив собственно военное значение¹⁴. Специальными правами активные участники Сопrotивления стали наделяться уже в 1947 г.¹⁵ Однако во всех упомянутых и неупомянутых актах речь шла о членах или формированиях Сопrotивления. Понятие о существовании у Сопrotивления собственных моральных интересов и чести было введено в Уголовно-процессуальный кодекс¹⁶ (ст. 2–5), откуда и перешло в закон Гейссо, только в 1983 г. Закрепляя официально признание национальной вины, французский законодатель высвечивал те национальные силы, которые в прошлом боролись, а теперь обладают правом бороться за искупление.

Бытует мнение, что мемориальное законодательство в России появилось в 2014 г. (Копосов 2014; Хроники... 2014) с принятием Федерального закона от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»¹⁷. Эта точка зрения обусловлена аналогией между законом Гейссо и появившейся в 2014 г. ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). Однако мы имеем все основания утверждать, что отношения по поводу памяти о Второй мировой или Великой Отечественной войне становятся объектом законодательного регулирования значительно раньше (Гаганов 2015). Фундаментальным нормативным актом в этой сфере является Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (далее — Закон об увековечении Победы), но еще за два месяца до него был подписан Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России» (в ред. от 03.08.2018 «О днях воинской славы и памятных датах России»; далее — Закон о днях воинской славы).

Очевидно, что Закон о днях воинской славы был направлен на преодоление травмы распада СССР. Хотя власть в это время активно эксплуатировала социальные травмы для собственной легитимации (Дорская и Дорский 2018), данный Закон в момент его принятия носил исключительно жизнеутверждающий характер. Память рассматривалась как фундамент построения нового государства, гарантирующий грядущее преодоление травматических событий настоящего, как преодолевались триумфами все проблемы прошлого: «Днями воинской славы России являются дни славных побед, которые сыграли решающую роль в истории России и в которых российские войска снискали себе почет и уважение современников и благодарную память потомков» (Преамбула). История России решалась военными победами, прославленными современниками и потомками. О Великой Отечественной войне напоминали пять дат, притом что иные войны были отмечены не более чем двумя победами (Северная война и Русско-турецкая война 1787–1791 гг.): 5 декабря (День начала контрнаступления советских войск против

¹⁴ Loi N° 48-1217 du 23 juillet 1947 portant admission à l'honorariat de leur grade des officiers titulaires d'un grade d'assimilation au titre des Forces françaises combattantes; Ordonnance N° 58-1230 du 16 décembre 1958 autorisant le retrait ou la révision éventuels des titres attribués par une application in due des textes portant statut des Forces françaises libres (FFL), des Forces françaises combattantes (FFC), des Forces françaises de l'intérieur (FFI) et de la Résistance intérieure française (RIF) и др.

¹⁵ Décret N° 47-1956 du 9 septembre 1947 portant règlement provisoire des droits des membres de la Résistance intérieure française.

¹⁶ Code de procédure pénale. Livre Ier institué par La loi n° 57-1426 du 31 décembre 1957.

¹⁷ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику Российской Федерации приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 8 февраля, 2019. <http://www.consultant.ru>.

немецко-фашистских войск в битве под Москвой), 2 февраля (День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве), 23 августа (День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве), 27 января (День снятия блокады города Ленинграда), 9 мая (День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов). После 9 мая 1945 г. славных побед не отмечалось.

Интересно, что изменения Закона о днях воинской славы начались в XXI в., на фоне преодоления травм предыдущего десятилетия. Основная тенденция изменений — признание того, что история состоит не только из военных побед, в ней есть и скорбные даты. Первой датой, напоминающей о травме, стало 3 сентября (введена в 2005 г.). Правда, первая часть наименования этого дня старательно сглаживала трагический характер событий, которым он был посвящен: «День солидарности в борьбе с терроризмом» (о терроризме как социальной травме см.: Матчанова 2018с; 2018d). В 2007 г. в Законе появилось слово «скорбь», и оно было связано с Великой Отечественной войной: как день памяти и скорби стало отмечаться 22 июня. С точки зрения принятой в данной статье методологии эволюция Закона от 13.03.1995 показывает некоторое углубление проработки социальной травмы.

Однако ни в 1995 г., ни в последующие годы, когда разрабатывались поправки, Закон не вызывал широкой общественной полемики, хотя время от времени законодатель настойчиво стремился обратить внимание общества именно на этот нормативный акт и на свои действия в отношении него. Как ярко выразился М. Дегтярев, автор одного из (непрошедших) законопроектов о внесении изменений в Закон (Законопроект № 90360-6), «и проблема гомосексуализма, и информационных атак на наше Отечество, и вся эта “ворчащая Болотная”, как Владимир Вольфович в “Московском комсомольце” написал... все это — оттого, что мы забываем свои корни» (Дегтярев 2012). Пожалуй, заметную реакцию вызывали только манипуляции с датой 7 ноября, которая с 2004 г. стала отмечаться как еще один День воинской славы, связанный с Великой Отечественной войной, — День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Однако юридическое закрепление отношения к Революции 1917 г. как величайшей травме в истории России XX столетия — тема иного исследования. Относительное равнодушие к рассматриваемому Закону и широкой общественности, и юристов связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, в большинстве случаев он выражает точку зрения, по которой имеется социальный консенсус. Во-вторых, он носит позитивный характер: утверждается большое значение в истории тех или иных событий, а не осуждаются те или иные действия. В-третьих, его можно отнести к «мягкому» мемориальному законодательству: выражается государственная точка зрения, но она влечет минимум обязательных действий — торжественные мероприятия в войсках в дни воинской славы. По всем трем пунктам Закон о днях воинской славы принципиально отличается от закона Гейссо.

Закон об увековечении Победы содержит девять статей, включая статью о вступлении в силу и Преамбулу. Шесть статей носят позитивный характер: описывается порядок празднования 9 мая, устанавливается пост почетного караула у могилы Неизвестного солдата в Москве, учреждается премия им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, определяется режим сооружения, сохранения и ре-

ставрации памятников Великой Отечественной войны, Правительству поручается разработка целевой программы оказания помощи участниками жертвам войны, гарантируется соблюдение Россией международных обязательств в сферах помощи участникам войны и сохранения памятников.

Негативные нормы содержатся в двух статьях.

«Государственные награды и другие знаки отличия, связанные с событиями Великой Отечественной войны, не могут быть объектами отчуждения, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ» (ст. 3). Правила хранения и ношения государственных наград строго определяются «Положением о государственных наградах Российской Федерации», утв. Указом Президента РФ от 07.09.2010 № 1099, а их соблюдение гарантируется ст. 17.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и ст. 324 УК РФ. В «Положении о государственных наградах» утверждается, что его нормы распространяются и «на граждан Российской Федерации, удостоенных государственных наград СССР» (п. 14), а кодексы, устанавливающие ответственность, перечисляют государственные награды Российской Федерации, РСФСР и СССР через запятую. В связи с этим память о Великой Отечественной войне в последние годы может актуализироваться в том числе при рассмотрении дела о праве на получение советских наград, не врученных лицу своевременно (Определение Свердловского областного суда от 14.03.2013 по делу № 33-3456/2013).

Наибольшее внимание специалистов и широких кругов общества привлекла ст. 6 Закона об увековечении Победы «Борьба с проявлениями фашизма». Эта статья в первоначальной редакции носила двойственный характер. Если первая часть является преимущественно декларативной («Важнейшим направлением государственной политики Российской Федерации по увековечению Победы советского народа в Великой Отечественной войне является решительная борьба с проявлениями фашизма»), то вторая относится к негативному мемориальному законодательству и предполагает установление ответственности за нарушение (хотя и в имплицитной форме). Эти черты роднят ее с законом Гейссо, но содержательно ст. 6 близка к § 86а Уголовного кодекса ФРГ 1994 г.¹⁸ Итак, ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 19.05.1995 запрещает любое использование нацистской символики. На наш взгляд, данная формулировка имеет существенные недостатки, исправлением которых впоследствии пришлось заниматься как законодательным, так и судебным органам.

Во-первых, в Российской Федерации отсутствует легальное определение нацизма. В большинстве нормативных актов иностранных государств, наднациональных органов или международных организаций в данном контексте прямого упоминания нацизма нет. Закон Гейссо указывает на организацию, признанную преступной, Уголовный кодекс Германии — на национал-социалистическую рабочую партию и т. д. Иными словами, речь идет не об идеологии, а о конкретной организации, таким образом достигается правовая определенность¹⁹. В 2014 г. в ст. 6 Закона об увековечении Победы были включены ч. 3–4, также ссылающиеся на документы

¹⁸ Strafgesetzbuch. Abgerufen Am 5. Februar 2019. Bundesministerium der Jusiz und für Verbraucherschutz. Accessed February 8, 2019. <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb>.

¹⁹ Исключением является, например, чешский Закон против поддержки и распространения нарушений прав и свобод человека, в котором говорится о совершенно неопределенных нацистском

Нюрнбергского трибунала. Однако в этих частях речь идет не о запрете символики НСДАП, а о запрете пропаганды либо публичного демонстрирования символики и атрибутики организаций, сотрудничавших с осужденными в Нюрнберге организациями и лицами, а также символики и атрибутики организаций, отрицающих факты и выводы, установленные приговором Международного военного трибунала. Список этих организаций и их символики должно вести Министерство юстиции на основании данных, предоставленных федеральными органами государственной власти (Постановление Правительства РФ от 11.06.2015 № 574 «Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в ч. 3 и 4 ст. 6 Федерального закона “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”, а также атрибутики и символики этих организаций»). Таким образом, в Российской Федерации по сравнению с европейскими странами значительно расширяется список запрещенных предметов, государственные органы получают возможность вводить запреты без установления судом фактов сотрудничества с преступными организациями или фактов отрицания решений Международного военного трибунала.

Во-вторых, использование в любой форме нацистской символики оценивается как заведомо оскорбительное для российского народа и памяти о жертвах (кстати заметим, что немецкое законодательство также запрещает любое использование). Сразу же возникли вопросы о характере показа этой символики в целях образования, создания художественных произведений и т. п. Здесь существенны отличия в юридической технике от французского законодательства. Если французский Закон о свободе печати содержит определение наказания и ссылки на конкретные статьи Уголовного кодекса, то в российском Законе об увековечении Победы ничего подобного нет. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях об использовании нацистской символики не упоминал вообще, а в КоАП РФ появилась ст. 20.3, согласно которой штраф накладывался не за любое использование, а только за демонстрацию с целью пропаганды. После ряда изменений в 2014 г. статья приобрела современное наименование и содержание — «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами». Для ее понимания обратимся к судебной практике.

Верховный суд РФ (далее — ВС РФ) указывает, что «нацистской атрибутикой и символикой являются атрибутика и символика, которые использовались организациями, признанными Нюрнбергским международным военным трибуналом преступными. К таковым относят, в частности, знамена, значки, атрибуты униформы, приветственные жесты и пароли, свастику, а также их воспроизведение в любой форме» (Постановление ВС РФ от 10.01.2018 № 5-АД17-109). Дважды ВС РФ рассматривал дела о продажах жетонов и знаков Третьего Рейха. Заслуживающим внимания оказался аргумент граждан, утверждавших, что при предложении знака к продаже в Интернете и собственно при продаже изображение свастики было заретушировано или заклеено скотчем. Знак в целом, даже при прямом указании на сайте о том, что это знак нацистской Германии, в качестве запрещенной атрибути-

и коммунистическом геноцидах, а также о преступлениях нацистов и коммунистов (Грузинская, Пономарева, Клишейко 2017, 13).

ки Судом не рассматривался (Постановления ВС РФ от 10.01.2018 № 5-АД17-109, от 17.07.2017 № 5-АД17-33). Подход ВС РФ обоснован Нюрнбергским приговором, хотя в решениях нет прямых цитат: Трибунал не признал преступной организацией германскую армию.

Статья 20.3 КоАП РФ перечисляет следующие действия, недопустимые с нацистскими символами и атрибутами: пропаганда, публичное демонстрирование (п. 1), изготовление, сбыт в целях пропаганды, приобретение в целях сбыта или пропаганды (п. 2). Таким образом, по п. 1 пропаганда не является обязательным признаком правонарушения, нарушение имеет место при любом публичном демонстрировании нацистской символики или символики, сходной с ней до степени смешения. «Демонстрацией нацистской символики признается ее публичное выставление, показ, ношение, вывешивание, изображение, воспроизведение на страницах печатных изданий или в фото-, кино- и видеоматериалах, тиражирование и другие действия, делающие ее восприятие доступным» (Постановление ВС РФ от 11.12.2018 № 24-АД18-6). Для квалификации правонарушения по п. 2 необходимо наличие пропаганды как цели деяния. Верховный суд РФ указал, когда оборот символики не направлен на ее пропаганду: «...только в том случае, если он (оборот. — А. Д., Н. Ч.) совершен в целях, не связанных с ней, включая, в частности, научные исследования, художественное творчество, подготовку материалов, осуждающих нацизм либо излагающих исторические события» (Постановление ВС РФ от 10.01.2018 № 5-АД17-109). Таким образом, обвиняемому по административному делу по п. 2 ст. 20.3 КоАП следует доказать, что его цели не были связаны с пропагандой. В одном из дел о продаже знака Третьего Рейха этого сделать не удалось, в другом суд счел убедительным аргумент о сопровождении объявления о продаже словами «предлагаемый лот не предназначен для пропаганды идей нацизма и может использоваться только в научно-исторических и художественных целях» (Постановление ВС РФ от 17.07.2017 № 5-АД17-33).

Как и в случае с законом Гейссо, противники ст. 6 Закона об увековечении Победы неоднократно подвергали сомнению ее конституционность. Жалобы начались после установления наказания в КоАП РФ. С точки зрения заявителей, спорность статьи обусловлена широким и чрезвычайно древним распространением символики, которую нацизм адаптировал для своих целей. Запрет на ее использование и тем более на использование сходных изображений и жестов нарушает конституционные принципы, гарантирующие признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на свободу совести и свободу вероисповедания, оскорбляет религиозные убеждения и чувства граждан. В 2003 и 2005 гг. Конституционный суд РФ (далее — КС РФ) отказал в рассмотрении жалоб, поскольку заявителям не удалось доказать, что оспариваемый закон применен или подлежит применению в их делах (Определения КС РФ от 17.04.2003 № 127-О, от 24.02.2005 № 19-О), а в 2004 г. указал на то, что фактически ставится вопрос не о конституционности статьи Закона об увековечении Победы, а о законности запрета конкретной организации. Решение этого вопроса в компетенцию КС РФ не входит (Определение КС РФ от 08.04.2004 № 91-О). Однако в 2014 г., вновь отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, КС РФ пояснил и свою позицию по конституционности ч. 2 ст. 6 Закона об увековечении Победы: «Само по себе использование нацистской атрибутики (символики), равно как и атрибутики (символики),

сходной с нацистской атрибутикой (символикой) до степени смешения, — безотносительно к ее генезису — может причинить страдания людям, чьи родственники погибли во время Великой Отечественной войны... Таким образом, оспариваемые законоположения, направленные на обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, защиту прав и свобод других лиц, не порождают неопределенности в вопросе об их соответствии Конституции РФ» (Определение КС РФ от 23.10.2014 № 2480-О).

Наконец, следует остановиться на Федеральном законе от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», которым были внесены изменения в УК, УПК и КоАП РФ. Авторы законопроекта определили в качестве объекта посягательства историческую память (законопроект № 197582-5²⁰). На наш взгляд, об этом законе можно говорить не как о первом мемориальном законе РФ, а, напротив, как о законе, завершающем первый этап становления отечественного мемориального законодательства. Основанием для такой оценки является прежде всего введение указанным законом ч. 4 ст. 13.15 КоАП РФ и ч. 3 ст. 354.1 УК РФ. Был установлен штраф для юридических лиц за публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, либо публичное осквернение символов воинской славы России. Одновременно тот же состав правонарушения криминализован для физических лиц. Таким образом, устанавливаются санкции за нарушения, связанные с прежде «мягким» мемориальным законодательством о памятных датах и увековечении Победы. Пострадавшей от правонарушения стороной теперь становятся не отдельные «люди, чьи родственники погибли во время Великой Отечественной войны», а общество в целом. На важный аспект указывает О. Е. Спиридонова: в рассматриваемом тексте (в отличие от остальных норм, содержащихся в УК РФ) СССР и Россия фактически отождествляются (Спиридонова 2017, 147). В этих положениях, независимо от их юридической и фактической обоснованности, мы видим логичное завершение тенденций, обнаруженных при анализе законодательства об увековечении Победы.

Несмотря на принципиальную важность дополнений в КоАП РФ, основное внимание СМИ и специалистов, в частности правоприменителей, привлекли новеллы уголовного законодательства. Часть 1 ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» определяет следующий состав преступления: «Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично». Юристами, историками и другими исследователями эта статья рассмотрена детально и в разных отношениях. Выделим фундаментальную монографию А. С. Кибальника и А. Ю. Иванова (Кибальник и Иванов 2019), юридический анализ Н. А. Егоровой (Егорова 2015), комплексный анализ текста и правоприменительной практики Е. В. Червонных (Червонных 2015; Червонных и Клементьев 2016), рассмотрение истории законопроекта Н. Е. Копосовым (Копосов 2014; 2010). Ряд

²⁰ Здесь и далее все ссылки на сопроводительные документы к законопроекту приводятся по базе «Система обеспечения законодательной деятельности». Дата обращения 9 февраля, 2019. <http://sozd.duma.gov.ru>.

ученых предъявляет к введенным нормам УК РФ те же претензии, что и к закону Гейссо: ограничение свободы мнений (Bogush 2017; Kurilla 2014; Курилла 2014а; 2014б; Осипов 2014; Турышев 2014). Не выражая нашей точки зрения по всем обсуждаемым позициям, обратим внимание только на те аспекты, которые особо значимы для рассматриваемой темы.

Исследователи видят необходимость установить уголовную ответственность за реабилитацию нацизма в разных обстоятельствах, причем обычно выделяют несколько доводов. Предложенная в нашей статье методология предполагает, что важнейшим из них является назревшая необходимость осмысления собственной социальной идентичности, активизация работы коллективной памяти. В связи с этим подчеркнем одно из обстоятельств, которое Ю. М. Антонян выделяет в качестве способствующего распространению нацизма, — содержательную близость нацизма и большевизма, «причем следы последнего не утеряны в сознании людей» (Антонян 2008, 188). Коллегу сочувственно цитируют А. Г. Кибальник и А. Ю. Иванов, добавляя: «Отличительной чертой нацизма является постановка “под вопрос” самого факта существования “оппозиционной” группы людей» (Кибальник и Иванов 2015, 28). С этой точки зрения криминализация оправдания нацизма предстает (во всяком случае, в том числе) как проработка российского прошлого.

Для нас наибольший интерес представляет не имеющий прямых аналогов во французском законодательстве альтернативный признак объективной стороны преступления — «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Смысл, который вкладывал законодатель в это определение, точнее раскрывается в одном из предварительных вариантов законопроекта: «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны, соединенных с обвинением в совершении преступлений, установленных указанным приговором» (законопроект № 197582-5). В своем отзыве Правительство указало на неясность данной формулировки, и авторы законопроекта предпочли ее вовсе исключить. Вряд ли можно признать выбранный вариант редактирования удачным. Если понимать под заведомо ложными сведениями о деятельности СССР такие сведения, которые прямо противоречат Приговору Нюрнбергского трибунала (Кибальник и Иванов 2015, 30), то — при отсутствии прямой аналогии — здесь видится некоторое сходство с французской «защитой моральных интересов и чести Сопrotивления». Это сходство состоит в том, что, указывая на негатив в прошлом, законодатель старается одновременно предложить позитивную альтернативу.

Различия не вызывают сомнений. В одном случае речь о народном движении, лишь частично организованном в военные подразделения, в другом — о государстве. В одном случае защиту интересов и чести берут на себя общественные организации, получающие в связи с этим некоторые особые права, в другом — государство делает это самостоятельно. Вероятно, указанные различия могут быть оправданы историческими обстоятельствами: роль государства в противостоянии гитлеровской Германии во Франции и в Советском Союзе была принципиально разной. Вместе с тем в заявленном в УК РФ подходе таится и «ловушка памяти»: весь негатив оказывается связан исключительно с преступниками европейских стран оси, а весь позитив — с одной из стран антигитлеровской коалиции.

3. Выводы. Социальные травмы выступают переломными пунктами развития общества. Преодоление социальной травмы не может состояться без полного, а потому болезненного осмысления произошедшего, а значит, позиция законодателя как представителя всего общества имеет чрезвычайное значение, он должен быть особенно аккуратен при определении способов защиты коллективной памяти. Одной из гарантий правомерности вмешательства государства в тонкую сферу памяти о Второй мировой войне является его обоснование решениями Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Рассмотренные нами нормативные акты Французской республики и Российской Федерации показали важные моменты сходства: выражение приверженности общим принципам, длительную работу над осмыслением события и поиском оптимальных формулировок для определения позиции государства, указание как на «символы зла», так и на позитивные образцы и т. д. Сходством обладают и общественные дискуссии, в которых к мемориальному законодательству и во Франции, и в России предъявляются одинаковые претензии, прежде всего чрезмерное ограничение свобод и неопределенность правонарушений, за которые устанавливается ответственность. Несмотря на то что рассмотренные нормативные акты пока выдерживали проверку судебной практикой (небольшой во всех случаях) и конституционным контролем, просто отмахнуться от высказанных замечаний нельзя. Не случайно Национальное собрание Франции с 2005 г. больше не принимало мемориальных законов. Законодательство о памяти о Второй мировой войне также нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Так, в течение 2018 г. на стадии подготовки к рассмотрению в первом чтении обсуждался законопроект члена Совета Федерации А. В. Белякова «О внесении изменений в Федеральный закон “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” и Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности”». Смысл законопроекта состоит в исключении запрета на публичное демонстрирование нацистской символики или атрибутики в произведениях науки, литературы, искусства, а также в информационных, учебных и просветительских целях. Комитет Государственной думы по культуре поддержал идею законопроекта, но предложил уточнить используемые в нем формулировки. Аналогичную позицию заняло Правительство РФ. Правовое управление сообщило, что «замечаний концептуального характера по законопроекту не имеется». В то же время Комитет по безопасности и противодействию коррупции рекомендовал отклонить проект, ссылаясь на повышенную опасность экстремистских преступлений, исчерпывающее толкование Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» Конституционным судом и риски нарушения законности, которые могут возникнуть при реконструкции событий Великой Отечественной войны. В результате рассмотрение законопроекта было отложено (законопроект № 390352-7).

Для глубокой проработки социальной травмы и ее последующего преодоления, для того, чтобы работа памяти была совершена и завершена, необходимо вскрытие и неприятных сторон собственного прошлого. «Миллионы наших сограждан на оккупированной территории были вовлечены в различные формы сотрудничества с нацистами. Кто-то из них взял в руки оружие и пошел на службу в полицию и карательные отряды, кто-то выполнял различную работу в административных

органах, кто-то просто зарабатывал на жизнь себе и своим родным» (Ковалев 2009, 11). Не могут быть отвергнуты факты, установленные Нюрнбергским трибуналом, например относящиеся к вторжению Германии в Польшу, к подписанию Мюнхенского соглашения и последующей оккупации Чехословакии. Однако необходимо исследовать и факты преступлений, истины о которых Международный военный трибунал не установил; результаты таких исследований должны широко публиковаться. Классический пример — Катынская трагедия; текст Заявления Государственной думы о ней может считаться образцом отношения к социальной травме (Постановление Государственной Думы РФ от 26.11.2010 № 4504-5 ГД «О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “О Катынской трагедии и ее жертвах”»).

Библиография

- Александр, Джеффри К. 2012. «Культурная травма и коллективная идентичность». *Социологический журнал* 3: 6–39.
- Антонян, Юрий М. 2008. «Антинаучные попытки оправдания нацизма в современной России». *Российский криминологический взгляд* 4: 184–188.
- Арендт, Ханна. 2008. *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. М.: Европа.
- Бочкарев, Сергей В. 2018a. «Социальная травма и революция в правовом дискурсе». *Герценовские чтения-2018. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования: материалы Всеросс. науч.-практ. конф.*: 49–51. СПб.: Печатный Цех.
- Бочкарев, Сергей В. 2018b. «Социальная травма и смена политических режимов во Франции в XIX веке: постановка проблемы». *Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки* 3 (31): 18–24.
- Гаганов, Александр А. 2015. Правовая защита памяти Великой Отечественной войны. Дата обращения 7 февраля, 2019. <http://rusrand.ru/analytics/pravovaja-zaschita-pamjati-velikoj-otechestvennoj-vojny>.
- Гросс, Ян Т. 2002. *Соседи: История уничтожения еврейского местечка*. М.: Текст журнала «Дружба народов».
- Грузинская, Екатерина И., Марина Ю. Пономарева, Даниил И. Клишейко. 2017. «Критический анализ криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации “Реабилитация нацизма”». *Актуальные проблемы науки и практики современного общества* 2 (6): 9–13.
- Дегтярев, Михаил В. 2012. Выступление на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Дата обращения 8 февраля, 2019. <https://www.youtube.com/watch?v=51WCnr3Qraw>.
- Дорская, Александра А. 2018. «Проблема возможности использования понятия “социальная травма” в юридической науке: российский и зарубежный опыт». *Вестник Академии права и управления* 3 (52): 18–24.
- Дорская, Александра А., Андрей Ю. Дорский. 2018. «Значение социальных травм в процессе легитимации политики в постсоветской России: правовое измерение». *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Юридические науки»* 4 (32): 8–18.
- Егорова, Наталья А. 2015. «Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ». *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права* 9 (3): 494–503.
- Игнатьева, Марина В. 2018a. «Использование понятия социальной травмы в современной российской юриспруденции». *Российское государствоведение* 3: 73–78.
- Игнатьева, Марина В. 2018b. «Социальная травма: взгляд российских антропологов права». *Образование и право: научно-правовой журнал* 9: 77–80.
- Кибальник, Алексей Г., Алексей Ю. Иванов. 2015. «Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма (ч. 1, 2 ст. 354.1 УК РФ)». *Уголовное право* 4: 27–31.
- Кибальник, Алексей Г., Алексей Ю. Иванов. 2019. *Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества*. М.: Юрлитинформ.

- Ковалев, Борис Н. 2009. «Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны». *Вестник Новгородского государственного университета* 51: 11–13.
- Копосов, Николай Е. 2010. История и правосудие. Дата обращения 8 февраля, 2019. <http://polit.ru/article/2010/04/26/koposov>.
- Копосов, Николай Е. 2014. Память в законе. Дата обращения 8 февраля, 2019. <http://www.russ.ru/Mirovaia-povestka/Pamyat-v-zakone>.
- Курилла, Иван И. 2014а. Закон о «реабилитации нацизма»: Его смысл и ожидаемые последствия. Дата обращения 9 февраля, 2019. <http://www.ponarseurasia.org/node/7240>.
- Курилла, Иван И. 2014б. «История и память в 2004, 2008 и 2014 годах». *Отечественные записки* 3: 36–43.
- Матчанова, Зоя Ш. 2018а. «Значение справедливого международно-правового регулирования труда для преодоления социальных травм». *Герценовские чтения-2018. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования: материалы Всеросс. науч.-практ. конф.*: 209–211 СПб.: Печатный Цех.
- Матчанова, Зоя Ш. 2018б. «Международно-правовой аспект преодоления социальных травм и потрясений в свете положений Всеобщей декларации прав человека 1948 года». *Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы: материалы междунар. науч.-практ. конф.*: 307–310 СПб.: Астерион.
- Матчанова, Зоя Ш. 2018с. «Уголовно-правовая характеристика терроризма в контексте теории социальной травмы». *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Юридические науки»* 3 (31): 56–63.
- Матчанова, Зоя Ш. 2018d. «Террористический акт как социальная травма: криминологический анализ». *Вестник Академии права и управления* 2 (51): 107–112.
- Осипов, Михаил Ю. 2014. «О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере статьи 354.1 УК РФ “реабилитация нацизма”». *Юридическая наука* 2: 86–91.
- Потапов, Юрий А. «Реабилитация как государственно-правовой фактор преодоления социальной травмы». *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России* 2 (78): 27–30.
- Спиридонова, Ольга Е. 2017. «О четкости признаков реабилитации нацизма (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ) в контексте практики их применения». *Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники)* 6 (6): 145–154.
- Турьшев, Александр А. 2014. Реабилитация нацизма в УК РФ. Дата обращения 8 февраля, 2019. <http://www.lawtech.ru/journal/articles/15692>.
- Хроники третьего тысячелетия. «О мемориальном законе». Дата обращения 8 февраля, 2019. <https://alliruk.livejournal.com/693392.html>.
- Чеканцева, Зинаида А. 2015. «Коллективная память и история». *Преподаватель XXI век* 4–2: 229–239.
- Червонных, Елена В. 2015. «Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354.1 “реабилитация нацизма” УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения». *Проблемы правоохранительной деятельности* 4: 21–27.
- Червонных, Елена В., Александр С. Клементьев. 2016. «Практика применения уголовного законодательства за действия, реабилитирующие нацизм: проблемы и пути их решения». *Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — COUNTER-TERRORISM* 4: 26–31.
- Штомпка, Петр. 2001. «Социальные изменения как травма». *Социологические исследования* 1: 6–16.
- Шеррер, Ютта. 2009. «Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти». *Pro et Contra* 3–4 (46): 89–108.
- Alexander, Jeffrey C. 2002. “On the Social Construction of Moral Universals: The ‘Holocaust’ from War Crime to Trauma Drama”. *European Journal of Social Theory* 5 (1): 5–85.
- Alexander, Jeffrey C. 2016. “Trauma cultural, moralidad y solidaridad La construcción social del Holocausto y otros asesinatos en masa”. *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales* 61 (228): 191–210.
- Bogush, Gleb. 2017. “Criminalisation of Free Speech in Russia”. *Europe-Asia Studies* 69 (8): 1242–1256.
- Dhoquois, Régine. 2006. “Les thèses négationnistes et la liberté d’expression en France”. *Ethnologie Française* 36 (1): 27–33.
- Imbleau, Martin. 2011. “Denial of the Holocaust, Genocide, and Crimes against Humanity” *Genocide Denials and the Law*, 236–278. Oxford: Oxford Scholarship.

Kurilla, Ivan I. 2014. The Implications of Russia's Law against the "Rehabilitation of Nazism". Accessed February 9, 2019. <http://www.ponarseurasia.org/node/7240>.

Paxton, Robert O. 1972. *Vichy France: old guard and new order, 1940–1944*. New York: Knopf.

Paxton, Robert O. 1973. *La France de Vichy: 1940–1944*. Paris: Éditions du Seuil.

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать 15 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Дорский Андрей Юрьевич — д-р юрид. наук, профессор; a.dorsky@spbu.ru

Черногор Николай Николаевич — д-р юрид. наук, профессор; Chernogor72@mail.ru

The Second World War as a social trauma: a comparative analysis of Russian and French legislation*

A. Yu. Dorskii¹, N. N. Chernogor²

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,

34, B. Chermushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russian Federation

For citation: Dorskii, Andrei Yu., Nikolay N. Chernogor. 2019. "The Second World War as a social trauma: a comparative analysis of Russian and French legislation". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 311–331. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.208>

The article compares legislation for the memorialization of the Second World War in France and Russia. Based on the theory of social trauma, memorial law performs the function of overcoming trauma. Its specific tasks are verbalization of trauma and the expression of points of view that determine the identity of the society. These tasks do not depend on type of law, which can be soft or strict, positive or negative. Social reasons for adopting of memorial legislation include deepening public interest in history and spreading discussions on topics that are painful for national identity. The history of memorial legislation for the Second World War in both countries began long before the adoption of the Gayssot Law in France and the introduction of Art. 354.1 to the Criminal Code of the Russian Federation. Russian laws of 1995 and their evolution to the present are considered. With the help of comparative analysis, the common features of legislation on memory in the two countries are highlighted. A comparison focused on the Resistance and the Soviet Union. On the basis of judicial practice, the interpretation of certain controversial concepts is given. The practice of constitutional control over the memorial legislation on the Second World War is traced. The most important directions for improving legislation and social practices are indicated: minimization of necessary restrictions on freedom of speech, and research into crimes committed by citizens of the victorious countries for the period 1939–1945.

Keywords: memorial laws, Second World War, Geyssot Law, days of military glory and memorable dates, commemorating victory, rehabilitation of Nazism.

References

Alexander, Jeffrey C. 2002. "On the Social Construction of Moral Universals: The 'Holocaust' from War Crime to Trauma Drama". *European Journal of Social Theory* 5 (1): 5–85.

* The part of the reported study by of A. Yu. Dorsky was funded by RFBR according to the research project No. 18-011-01233 "The Legal Factor in the Dynamics of Social Injury: Russian Experience".

- Alexander, Jeffrey C. 2016. "Trauma cultural, moralidad y solidaridad La construcción social del Holocausto y otros asesinatos en masa". *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales* 61 (228): 191–210.
- Antonian, Iurii M. 2008. "Antinauchnye popytki opravdaniia natsizma v sovremennoi Rossii" ["Anti-scientific attempts to justify Nazism in modern Russia"]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzgliad [Russian Criminological Outlook]* 4: 184–188. (In Russian)
- Arendt, Khanna. 2008. *Banal'nost' zla: Eikhman v Ierusalime [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil]*. Moscow: Europe Publ. (In Russian)
- Bochkarev, Sergei V. 2018a. "Sotsial'naia travma i revoliutsiia v pravovom diskurse" ["Social trauma and revolution in legal discourse"]. *Gertsenovskie chteniia-2018. Aktual'nye problemy prava i grazhdansko-pravovogo obrazovaniia: mat-ly Vseross. nauch.-praktich. konf. [Herzen readings-2018. Actual problems of civil law and education: Proceedings of the all-Russian scientific-practical conference]*: 49–51. St. Petersburg: Pechatnyj Cekh Publ. (In Russian)
- Bochkarev, Sergei V. 2018b. "Sotsial'naia travma i smena politicheskikh rezhimov vo Frantsii v XIX veke: postanovka problemy" ["Social trauma and political regime change in France in the XIX century: the problem statement"]. *Vestnik MGPU. Seriiia "Iuridicheskie nauki" [Vestnik of Moscow City University. Series "Legal Sciences"]* 3 (31): 18–24. (In Russian)
- Bogush, Gleb. 2017. "Criminalisation of Free Speech in Russia". *Europe-Asia Studies* 69 (8): 1242–1256.
- Chekantseva, Zinaida A. 2015. "Kollektivnaia pamiat' i istoriia" ["Collective Memory and History"]. *Prepodavatel' XXI vek [Teacher. The XXI century]* 4–2: 229–239.
- Chervonnykh, Elena V. 2015. "Ugolovno-pravovaia kharakteristika prestuplenii, predusmotrennykh stat'ei 354.1 'reabilitatsiia natsizma' UK RF, i otdel'nye problemy ee pravoprimereniia" ["Criminal-legal characteristic of crimes under article 354.1 of the 'Rehabilitation of Nazism' of the criminal code, and separate the problems of its enforcement"]. *Problemy pravookhranitel'noi deiatel'nosti [Problems of law enforcement]* 4: 21–27. (In Russian)
- Chervonnykh, Elena V., Aleksandr S. Klement'ev. 2016. "Praktika primeniia ugolovnogo zakonodatel'stva za deistviia, reabilitiruiushchie natsizm: problemy i puti ikh resheniia" ["The practice of applying criminal law for actions that rehabilitate Nazism: problems and ways to solve them"]. *Protivodeistvie terrorizmu. Problemy XXI veka — COUNTER-TERRORISM [Countering terrorism. XXI — the fight against terrorism]* 4: 26–31. (In Russian)
- Gaganov, Aleksandr A. 2015. Pravovaia zashchita pamiati Velikoi Otechestvennoi voiny [Legal protection of the memory of the great Patriotic war]. Accessed February 7, 2019. <http://rusrand.ru/analytics/pravovaja-zashchita-pamjati-velikoj-otechestvennoj-voiny>. (In Russian)
- Gross, Ian T. 2002. *Sosed: Istoriia unichtozheniia evreiskogo mestechka [Neighbors: the story of the destruction of the Jewish town]*. Moscow: Tekst Zhurnala "Druzhba narodov" Publ. (In Russian)
- Gruzinskaia, Ekaterina I., Marina Iu. Ponomareva, Daniil I. Klisheiko. 2017. "Kriticheskii analiz kriminoobrazuiushchikh priznakov sostava prestupleniia, predusmotrennogo st. 354.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii 'Reabilitatsiia natsizma'" ["Critical Analysis Kriminallikuma Signs of the Crime Provided by the Article 354.1 to the Criminal Code of the Russian Federation 'Rehabilitation of Nazism'"]. *Aktual'nye problemy nauki i praktiki sovremennogo obshchestva [Actual Problems of science And Practice of Modern Society]* 2 (6): 9–13. (In Russian)
- Degtiarev, Mikhail V. 2012. Vystuplenie na zasedanii Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii [Speech at a meeting of the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Accessed February 8, 2019. <https://www.youtube.com/watch?v=51WCnr3Qraw>. (In Russian)
- Dhoquois, Régine. 2006. "Les thèses négationnistes et la liberté d'expression en France". *Ethnologie Francaise* 36 (1): 27–33.
- Dorskaia, Aleksandra A. 2018. "Problema vozmozhnosti ispol'zovaniia poniatiia "sotsial'naia travma" v iuridicheskoi nauke: rossiiskii i zarubezhnyi opyt" ["The Issue of Possibility to use the Conception "Social Trauma" in the Legal Science: the Russian and International Experience"]. *Vestnik Akademii prava i upravleniia [Bulletin of Academy of Law and Management]* 3 (52): 18–24. (In Russian)
- Dorskaia, Aleksandra A., Andrei Iu. Dorskii. 2018. "Znachenie sotsial'nykh travm v protsesse legitimatsii politiki v postsovetskoi Rossii: pravovoe izmerenie" ["The Importance of Social Trauma in the Process of Legitimization of Politics in Post-Soviet Russia: the Legal Dimension"]. *Vestnik MGPU. Seriiia*

- “*Iuridicheskie nauki*” [Vestnik of Moscow City University. Series “Legal Sciences”] 4 (32): 8–18. (In Russian)
- Egorova, Natal’ia A. 2015. “Reabilitatsiia natsizma: ugovolno-pravovoi analiz” [“The Rehabilitation of Nazism: Criminal Law Analysis”]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law] 9 (3): 494–503. (In Russian)
- Ignat’eva, Marina V. 2018a. “Ispol’zovanie poniatiiia sotsial’noi travmy v sovremennoi rossiiskoi iurisprudentsii” [“Use of the concept of social trauma in modern Russian jurisprudence”]. *Rossiiskoe gosudarstvovedenie* [Russian gosudarstvovedenie] 3: 73–78. (In Russian)
- Ignat’eva, Marina V. 2018b. “Sotsial’naia travma: vzgliad rossiiskikh antropologov prava” [“Social Trauma: the Sight of Russian Anthropologists of Law”]. *Obrazovanie i pravo: nauchno-pravovoi zhurnal* [Education and law: scientific and legal journal] 9: 77–80. (In Russian)
- Imbleau, Martin. 2011. “Denial of the Holocaust, Genocide, and Crimes Against Humanity”. *Genocide Denials and the Law*, 236–278. Oxford: Oxford Scholarship.
- Khroniki tret’ego tysiacheletia. “O memorial’nom zakone” [Chronicles of the third Millennium “On the memorial law”]. Accessed February 8, 2019. <https://alliruk.livejournal.com/693392.html>. (In Russian)
- Kibal’nik, Aleksei G., Aleksei Iu. Ivanov. 2015. “Ugolovnaia otvetstvennost’ za reabilitatsiiu natsizma (ch. 1, 2 st. 354.1 UK RF)” [“Criminal Liability for the Rehabilitation of Nazism (part 1, 2 of article 354.1 of the Criminal code)”]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law] 4: 27–31. (In Russian)
- Kibal’nik, Aleksei G., Aleksei Iu. Ivanov. 2019. *Reabilitatsiia natsizma kak prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva* [The rehabilitation of Nazism as a crime against the peace and security of mankind]. Moscow: Juristinform Publ. (In Russian)
- Kovalev, Boris N. 2009. “Sovetskoe zakonodatel’stvo o kollaboratsionistakh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny” [“Soviet Legislation on Collaborators during the Great Patriotic War”]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod state University] 51: 11–13. (In Russian)
- Koposov, Nikolai E. 2010. *Istoriia i pravosudie* [History and justice]. Accessed February 8, 2019. <http://polit.ru/article/2010/04/26/koposov>. (In Russian)
- Koposov, Nikolai E. 2014. *Pamiat’ v zakone* [Memory in law]. Accessed February 8, 2019. <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pamyat-v-zakone>. (In Russian)
- Kurilla, Ivan I. 2014a. *Zakon o “reabilitatsii natsizma”: Ego smysl i ozhidaemye posledstviia* [The Implications of Russia’s Law against the “Rehabilitation of Nazism”]. Accessed February 9, 2019. <http://www.ponarseurasia.org/node/7240>. (In Russian)
- Kurilla, Ivan I. 2014b. “Istoriia i pamiat’ v 2004, 2008 i 2014 godakh” [“History and memory in 2004, 2008 and 2014”]. *Otechestvennye zapiski* [Patriotic notes] 3: 36–43. (In Russian)
- Matchanova, Zoia Sh. 2018a. “Znachenie spravedlivogo mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniia truda dlia preodoleniia sotsial’nykh travm” [“Fair Value of international legal regulation of labour to overcome the social traumas”]. *Gertsenovskie chteniia-2018. Aktual’nye problemy prava i grazhdansko-pravovogo obrazovaniia: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf.* [Herzen readings-2018. Actual problems of civil law and education: proceedings of the all-Russian scientific-practical conference]: 209–211. St. Petersburg: Pechatnyj Cekh Publ. (In Russian)
- Matchanova, Zoia Sh. 2018b. “Mezhdunarodno-pravovoi aspekt preodoleniia sotsial’nykh travm i potriasenii v svete polozhenii Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka 1948 goda” [“The international legal dimension of overcoming social trauma and upheaval in the light of the provisions of the universal Declaration of human rights of 1948”]. *Otraslevoe delenie mezhdunarodnogo prava: traditsionnye i novye podkhody: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Branch division of international law: new and traditional approaches: Proceedings of International scientific-practical conference]: 307–310. St. Petersburg: Asterion Publ. (In Russian)
- Matchanova, Zoia Sh. 2018c. “Ugolovno-pravovaia kharakteristika terrorizma v kontekste teorii sotsial’noi travmy” [“Criminal-legal characteristics of terrorism in the context of the theory of social trauma”]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia “Iuridicheskie nauki”* [Vestnik of Moscow City University. Series “Legal Sciences”] 3 (31): 56–63. (In Russian)
- Matchanova, Zoia Sh. 2018d. “Terroristicheskii akt kak sotsial’naia travma: kriminologicheskii analiz” [“Terrorist act as a social trauma: criminological analysis”]. *Vestnik Akademii prava i upravleniia* [Bulletin of Academy of Law and Management] 2 (51): 107–112. (In Russian)

- Osipov, Mikhail Iu. 2014. "O nekotorykh problemakh ispol'zovaniia ugolovno-pravovoi tekhniki na primere stat'i 354.1 UK RF 'reabilitatsiia natsizma'" ["On some problems of the use of the criminal law technique on the example of article 354.1 criminal code of the Russian Federation 'rehabilitation of Nazism'"]. *Iuridicheskaiia nauka [Legal science]* 2: 86–91. (In Russian)
- Paxton, Robert O. 1972. *Vichy France: old guard and new order, 1940–1944*. New York: Knopf.
- Paxton, Robert O. 1973. *La France de Vichy: 1940–1944*. Paris: Éditions du Seuil.
- Potapov, Iurii A. "Reabilitatsiia kak gosudarstvenno-pravovoi faktor preodoleniia sotsial'noi travmy" ["Rehabilitation As a state-legal factor of overcoming social trauma"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia]* 2 (78): 27–30. (In Russian)
- Sherrer, Iutta. 2009. "Otnoshenie k istorii v Germanii i Frantsii: prarabotka proshlogo, istoricheskaiia politika, politika pamiati" ["Attitude to history in Germany and France: study of the past, historical policy, politics of memory"]. *Pro et Contra*. 3–4 (46): 89–108. (In Russian)
- Shtompka, Petr. 2001. "Sotsial'nye izmeneniia kak travma" ["Social change as trauma"]. *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological research]* 1: 6–16. (In Russian)
- Spiridonova, Ol'ga E. 2017. "O chetkosti priznakov reabilitatsii natsizma (ch. 3 st. 354.1 UK RF) v kontekste praktiki ikh primeneniia" ["The definition of the signs of the rehabilitation of Nazism (part 3 of article 354.1 of the criminal code of Russia) in the context of their practical application"]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava na sovremennom etape (voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki) [Modern relevant issues of criminal law: differentiation of responsibility and legislative practice]* 6 (6): 145–154. (In Russian)
- Turyshchev, Aleksandr A. 2014. Reabilitatsiia natsizma v UK RF [Rehabilitation of Nazism in the Criminal code of Russian Federation]. Accessed February 8, 2019. <http://www.lawtech.ru/journal/articles/15692>. (In Russian)

Received: December 24, 2018

Accepted: February 15, 2019

Author's information:

Andrei Yu. Dorskiy — Dr. Sci. in Law, professor; a.dorsky@spbu.ru

Nikolay N. Chernogor — Dr. Sci. in Law, professor; Cherngor72@mail.ru